

Е.Ю. Фаркова

Пинигин Павел Миронович

Пинигин Павел Миронович — сын Дарьи Васильевны Пинигиной, единственный из ее детей, кто не покинул родные места и жил вместе с матерью и собственной семьей на Матере. Павлу пятьдесят лет от роду, он неразговорчив и молчалив. Павел «не был из породы говорунов, а теперь и вовсе присушил язык». В прежние времена на Матере он работал бригадиром, завгаром. В новом поселке его «покуда поставили на ремонт техники, назначив бригадиром».

Павел любит и почитает свою мать, «сам грубого слова с нею не знает и жене не велит знать». Он тревожится о матери, когда она остается в последние месяцы одна в деревне. Павел понимает, что матери не прижиться в новом поселке, ей не под силу привыкнуть к переменам. И он боится дня, когда придется увозить с Матеры Дарью. Наблюдая за нею, сын все больше убеждается, что Дарья нигде себя «кроме Матеры не видит».

От матери Павел унаследовал цельность натуры и мудрость души. Хотя он вместе с женою и переехал в новый поселок, но так и не привык к нему («...мало ли их, хороших поселков, на белом свете?»). Навещая Дарью в Матере, Павел думает: «Дом у него здесь, а дома, как известно, лучше».

Павел, как и мать, много размышляет о старой и новой жизни. Он не хочет «жить, как живется, и плыть, как плывется». Павел упорно стремится знать, что почем и что для чего, ему нужно самому докапываться до истины».

У Павла три сына. Старший соблазнился «теплым житьем» и уехал на Кавказ, родину жены. Средний, «гораздый на грамоту», был студентом, «учился в Иркутске на геолога и на тот год должен был уже отучиться». Младший сын — Андрей — вернулся из армии и уехал в город, «устроился там на завод», потом уволился и по пути в другое место «завернул домой». Андрей — здоровый и молодой парень, не растративший свои силы, как отец, на работе.

Глядя на сына и внука, Дарья думала: «Вот она, одна ниточка с узелками. От узелка до узелка столько, кажись, было годов — где оне? Мой-то узелок вот-вот растянут и заглядят, ровный конец опустют, чтоб не видать было... чтоб с другого конца новый подвизать. Куды, в какую сторону потянут эту ниточку дальше? Что будет?..» Андрей отошел от земли «и, похоже, никогда к ней не вернется». Он считает: «Пока молодой, надо, бабушка, все посмотреть, везде побывать. Что хорошего, что ты тут, не сходя с места, всю жизнь прожила? Надо не поддаваться судьбе, самому распоряжаться над ней». Он мечтает участвовать в грандиозной стройке. «Завод, он для пожилых, для семейных, чтоб на пенсию оттуда уходить. Мне охота, где молодые, как я сам, где все по-другому... по-новому. ГЭС отгрохают, она тыщу лет стоять будет».

Андрей признается бабушке и отцу: «Жалко Матеру, и мне тоже жалко, она нам родная...» Молодой и здоровый, он не сомневается в неотвратимости перемен. «Все равно бы перестраиваться пришлось, на новую жизнь переходить. Люди и то больше, чем сто лет не живут, другие рождаются».

У Андрея, уже взрослого и вполне разумного человека, сформировались свои взгляды и убеждения. «Работа, она тоже вроде как по возрастам. Где новые стройки, где, значит, трудней всего — там молодежь. Где полегче, попривычней — другие. Все-таки не сравнить — там или здесь, условия-то разные».

В рассуждениях Андрея есть своя логика, логика человека, устремленного в будущее. «Когда-то, наверно, и на нашу Матеру, казалось, зачем идти? Земли, что ли, без нее

не хватало? А кто-то пришел и остался — и вышло, что земли без Матеры и правда не хватало. А сын его пошел дальше — не все же тут задерживались. А сын сына еще дальше. Это закон жизни, и его не остановить, и их, молодых, тоже не остановить».

Павел стремится найти разумный смысл в рассуждениях сына. Он отчетливо осознает, что Андрей — «взрослый и вроде неплохой человек, и это он заменит скоро отца на земле — нет, лучше сказать, не на земле, а на свете». Сын — «действительно взрослый и вполне разумный человек, но уже не из его — из другого, из следующего поколения».

Именно Павлу, человеку среднего поколения, которое еще не утратило живую, кровную связь с землей, пришлось нести нелегкий груз забот, связанных с переселением на новое место.

Павел смиряется с переменами в жизни, понимая, что никуда от них не деться и «надо переезжать с Матеры». Однако, как рассудительный и хозяйственный человек, он не может взять в толк, «почему надо переезжать в этот поселок, сработанный хоть и богато, красиво, домик к домику, линейка к линейке, да поставленный так не по-людски и не-суразно, что только руками развести»: на глинистых и каменистых почвах, северном склоне сопки.

Душа Павла болит за то, что «будет затоплена земля, самая лучшая, веками ухоженная и удобренная дедами и прадедами и вскормившая не одно поколение»... Он понимает: за строительство гидроэлектростанции придется заплатить слишком дорогую цену. Нужно много времени, чтобы приспособить под хлеб «дикую и бедную лесную землицу».

Если Дарья не принимает новой жизни, страшись суда предков, то Павел — из-за «несуразности и нелепости перемен». Ему, крепко связанному с родной землей, хорошо известно: «новое на пустом месте не построишь и из ничего не возьмешь». Ради нового «приходится попускаться чем-то и дорогим, привычным, вкладывать немаленькие труды».

Постепенно вместе с заботами и делами, связанными с переездом, душа Павел смиряется и успокаивается — и на новом месте «жить можно». В то же время ему непривычно и неудобно чувствовать себя квартирантом в новом поселке, «потому что дом не твой и хозяином-барином себя в нем не поведешь, зато и являешься на готовенькое: дрова не рубить, печку не топить...»

В новой — «облегченной» — жизни Павел чувствовал себя «как-то не во весь свой вес, без твердости и надежности, будто любому дурному ветру ничего не стоит подхватить тебя и сорвать — ищи потом, где ты есть; какая-то противная неуверенность исподтишка точит и точит: ты это или нет? А если ты, как ты здесь оказался?».

Павел оправдывается сам перед собой за горькое и неловкое удивление, которое испытал, стоя «возле догорающей своей избы». Он думал о том, как вытравилась его душа. Ему «нередко приходится вспоминать, что он живет, и подталкивать себя к жизни: после войны за долгие годы он так и не пришел в себя, и мало кто из воевавших, казалось ему, пришел». Как и многие люди его поколения, опаленного войной, Павел живет по инерции, делает то, что требуется, «но все как бы после своей смерти или, напротив, во второй раз, все с натугой, привычностью и терпеливой покорностью».

И когда не стало Матеры-деревни, Павел не чувствовал «ничего, кроме облегчающей, разрешившейся боли: будто нарывало, нарывало и прорвало». Больше чем от самой потери он устал от ожидания «этой неминуемости» — конца Матеры. Павел почувствовал облегчение от того, что не придется теперь «изводиться Матерой», а придется в новой жизни «устраиваться прочно, вращать в нее всеми уцелевшими корнями».